

Энтон Дисклофани

После бала

Эта книга — художественное произведение. Как и во всех художественных произведениях, художественные взгляды и идеи основываются на собственном опыте автора, все имена, персонажи, места и события являются плодом авторского воображения или используются при вымышленных обстоятельствах.

Питеру Смуту, который был со мной во время написания этой книги, а также в память о Питере Дисклофани, 1928—1990

Пролог

Эта книга для женщин, которые все еще спрашивают меня о Джоан. Для девушек, которые только узнали о ее истории и моем в ней участии. Для женщин в возрасте, которые всегда восхищались ее фотографиями в рубрике светской хроники: Джоан была украшением для мужчин. Для Фрэнка Синатры, Дика Крюгера, Даймонда Гленна. Всем хотелось выяснить, кто она такая.

Для начала я всегда говорю, что она была маленькой светловолосой гордостью семьи Фортиер. Все обожали ее с самого рождения.

Затем она стала самой известной светской львицей Хьюстона. Они никогда не поймут, каково это — находиться в ее обществе и пытаться рисовать картину. В Джоан не было ничего выдающегося, она просто была рождена для того, чтобы ею любовались. Она была худенькая, но не как вешалка. Платья идеально сидели на ней, подчеркивая ее стройные бедра, сильные руки, выпирающую грудь. Где бы она ни появлялась, шампанское било ключом. Она делала людей счастливыми. Определенно, она была прекрасна, но это еще не все. Она светила изнутри.

Я остановлюсь на этом. Им интересно, как она пропала. Но я не могу сказать им этого.

Я бы не сказала, что я ее просто любила. С детства я была ее лучшей подругой, ее придворной дамой, ее духовной сестрой.

Впервые она исчезла в 1950 году, в год нашего выпуска из школы. Нам понадобилось не много времени, чтобы понять: она сбежала в Голливуд, чтобы стать звездой. И если бы вы хоть раз находились с ней в одной комнате, то у вас не было бы сомнений, что у нее все получится. Потому что тогда все просто грезил о ней. Почему бы об этом не мог мечтать и какой-нибудь

продюсер? Ее не было год, а когда она вернулась, жизнь пошла своим чередом с Джоан в самом центре событий. Она тысячи раз пропадала после Голливуда. На день, на вечер, на неделю. Даже когда она была рядом со мной, казалось, что она исчезает.

В нашей дружбе был лейтмотив: она всегда пропадала, а я всегда искала ее. Пока однажды мне это не надоело.

Изначально мы обе были Джоан — Джоан Один и Джоан Два, когда наши няни привезли нас в детский сад при начальной школе в Ривер-Оукс. Наша учительница, молодая блондинка, которая учила богатых детей буквам и цветам, пока ее ухажер окончательно не сделал ей предложение, приостановилась, читая список имен. Приостановилась на нас, двоих Джоан. Одна — светленькая, вторая — темненькая. Одна, это было очевидно даже в столь юном возрасте, была рождена, чтобы быть красавицей, у второй, темненькой, были обычные черты, но достаточно милые.

— У тебя есть второе, среднее имя? — спросила она меня, темноволосую девочку.

— Сесилья, — ответила я. Мне было пять лет. Я знала свое среднее имя, свой адрес, свой номер телефона.

— А у тебя? — спросила она, кивая в сторону Джоан, и взяла ее крохотную ручку.

Она держала ее, словно хрупкую птичку. Я выхватила загорелую руку Джоан из рук учительницы. Уже тогда я не любила, когда люди позволяли себе слишком много с моей подругой. Я привыкла к тому, что всем хотелось ее потрогать. Я это понимала, но мне это не нравилось.

— У нее нет среднего имени, — сказала я, а Джоан радостно закивала в ответ. Она не боялась ни незнакомцев, ни здоровых мужчин с низкими голосами, ничего. За год до этого она пошла на уроки плавания и уже ныряла в бассейн с вышки.

— У меня нет.

— Что ж, — сказала учительница, уперев руки в бедра. Насколько я помню, она была одета в бледно-голубое платье в маленький цветочек, а ее волосы были собраны в скромный пучок. Я увидела кружевной край ее комбинации, когда она наклонилась, чтобы поговорить с нами. Был 1937 год, и, скорее всего, она отчаянно хотела выйти замуж, родить детей и учить их азбуке, открыть для них всю палитру этого яркого и пестрого мира. — Теперь мы будем называть тебя Сесилья. Нет, Сесе. Так лучше звучит. А ты, — она успокаивающе улыбнулась Джоан, — не волнуйся, ты так и останешься Джоан.

Наши мамы не были подругами, но они хорошо относились друг к другу. Мы познакомились благодаря нашим няням, Иди и Дори, которые были сестрами. Они хотели работать вместе, в Ривер-Оукс, и устроились всего в улице друг от друга, у Мэри Фортиер и Рэйнальды Берн, совершенно разных женщин. В первую очередь они отличались достатком. Мэри, мать Джоан, выросла в простой семье в Литтлфилде, штат Техас. В старших классах она познакомилась с отцом Джоан, он был на пятнадцать лет старше ее и уже богат. Мэри понимала масштаб своего везения, это было невероятно, что она смогла вырваться из пыльного, бесперспективного Литтлфилда. Дочка родилась, когда Мэри считала, что ее детородный возраст уж давно позади. Так что Джоан осчастливила Фарлоу, сделав его папочкой, а Мэри — мамочкой. Они были бесконечно благодарны судьбе за такой подарок. Фарлоу, нефтяник из Луизианы, который продолжал сколачивать состояние даже во времена Великой депрессии, верил в Божий промысел, как и большинство везунчиков, и позднее рождение Джоан было доказательством того, что жизнь к нему благосклонна.

Моя семья тоже была богатой, но не настолько, как Фортиеры. Мама получила большое наследство, а отец был руководителем компании «Хамбл» и не искал нефть, как Фарлоу Фортиер.

Замужняя жизнь моей мамы оказалась намного более скромной по сравнению с ее детством. Она выросла с дворецким, горничными и нянями в Саванне; в Ривер-Оукс она наняла одну горничную, одну няню и жила в доме, который не был даже близок к тому, чтобы можно было назвать его самым большим.

Но все же обе женщины называли своих дочерей Джоан. На данный момент этот жест видится мне полным надежд. Джоан — такое элегантное имя. И сильное. Возможно, нашим матерям тогда казалось, что с мужским именем они дают силу своим маленьким крошкам. Может, они надеялись, что их девочки унаследуют мир мужчин, мир с привилегиями для мужчин. А может, они ничего такого и не думали. В 1932 году имя Джоан было пятое по популярности. Мэри и моя мама называли нас Джоан, как и все остальные, потому что это было естественно: все так делали.

Но вернемся к тому первому дню в детском саду. Тем же вечером, после того как моя няня Иди накормила и искупала меня, пришла мама, чтобы уложить меня спать. Я рассказала ей, что у меня теперь другое имя. Естественно, она была в бешенстве. Моя мама всегда была в бешенстве. Но это имя все равно прилипло ко мне, и с тех пор я стала Сесе — не столько имя, сколько звук, двойной свист.

Я привыкла к нему.

Глава 1

1957 год

Джоан сидела в моей гостиной на низком оранжевом диване, попивая «Грязный мартини», свой привычный коктейль. Это был уже второй бокал, но Джоан всегда пила, как мужчина. В этот майский жаркий, душный день — в Хьюстоне лето всегда наступает рано — все у нас шло своим чередом. В августе Джоан уже не будет.

Мы с Джоан жили в пяти минутах друг от друга в Ривер-Оукс, самом красивом районе Хьюстона — один дом шикарнее другого. Люди, живущие в Ривер-Оукс, ощущали себя очень важными. Газоны были настолько широкими, что их можно было бы использовать как пастбище, дома — настолько величественными, что их можно было спутать с замками, а сады и эспланады — такими ухоженными, как в Версале. Само собой, в Хьюстоне были и другие неплохие районы, но Уэст-Юниверсити не был достаточно роскошным, а Шейдисайд не был достаточно большим, он больше походил на скопление домиков, чем на район. Ривер-Оукс был будто из другой вселенной. Попав

на его территорию, ты оказываешься на захватывающей и бесконечной земле.

Мне было двадцать пять, у меня был маленький сын, и я проводила дни, посвящая их дому и друзьям. В общем, я исполняла роль молодой богатой домохозяйки. Женщины в Ривер-Оукс в основном все были домохозяйками. Ну а чем еще мы могли заняться? Я была членом Ривер-Оукского клуба садовников, Хьюстонской юношеской лиги и женского книжного клуба. Джоан тоже, но все это не было ей интересно, поэтому она редко появлялась на встречах. Никто и не думал о том, чтобы лишить ее членства. Она была дочерью Мэри Фортиер, а Мэри была главой Ривер-Оукс в свое время. Кстати, я бы тоже устроила большой скандал.

Джоан бездельничала на моем диване в коричневом платье-рубашке из прошлой коллекции, с красным пояском на талии. В платье все было не так: слишком велико в плечах, грубая ткань, которая ничего не подчеркивала. У нее не было чувства стиля, когда речь шла об одежде; если мы ходили куда-то по вечерам, то я всегда ее наряжала. Или девушки из «Sakowitz» присылали ей готовые наряды, от обуви и платьев до белья и сережек.

Из нас двоих я всегда одевалась лучше. Даже сегодня, несмотря на то что я только один раз

выходила из дому, чтобы посетить встречу Юношеской лиги, на мне была бледно-голубая юбка из тафты по колено, которая колыхалась при ходьбе и струилась от моей талии, как цветок. Надевая красивые вещи, я чувствовала уверенность в себе.

Все, что я сделала, — так это наклонилась и прикоснулась к краю ее рубашки, Джоан тут же закатила глаза.

— Я думаю, ты хочешь предложить распрощаться с этой рубашкой. Можешь отправить ее на кладбище одежды.

Она поставила свой мартини на маленький хромированный столик из стекла, который я купила специально для напитков, сложила руки за головой и потянулась. Движения Джоан были грубоватыми. Ее жесты не были аккуратными. Она оглядела гостиную, но не смотрела на меня. Ей было скучно.

— Где Томми? — неестественно-веселым тоном спросила она, чем совершенно сбила меня с толку. Может, Джоан и не было скучно. Затем я заметила, что ее выразительные карие глаза слегка припухли.

Она увидела, что я пялюсь на нее, и подняла брови.

— Что? У меня в зубах застряла курица? Я сегодня снова ела энчиладос с курицей у Феликса. С салом. Очень скоро я и сама стану

энчиладос... — Она умолкла и начала теревить свое колено.

— У тебя все в порядке?

— Ты уверена, что больше не осталось тортильи? — спросила она, будто пошутив. Она разомкнула губы, обнажив ровные белоснежные зубы. На секунду я забыла, о чем меня спрашивала Джоан, и то, о чем ее спрашивала я.

— Томми? — снова спросила она.

Я позвала Марию. Она появилась через секунду с маленьким темноволосым Томми на руках. Мария была нашей горничной, но и помогала с Томми. Женщины из нашего круга удивлялись, почему я отказываюсь от дополнительной помощи, почему не найму няню для Томми, и хотя я беспокоилась, что они могут подумать, что у меня нет денег на няню для Томми, я не хотела никого нанимать. Я держала Томми подальше от чужих, даже от чужих, нанятых мною, — мне так было спокойнее.

— Он уже ходит, — сообщила я. — Томми, иди поздоровайся с мисс Джоан.

Если бы Томми начал говорить, то его первое слово, скорее всего, было бы испанским, а не английским, из-за Марии. Мы с ней общались на смешанном языке жестов и отдельных слов.

Служанки, с которыми выросли мы с Джоан, практически все были темнокожими, кроме

нескольких, со смешанной кровью. Большинство слуг в Ривер-Оукс все еще были темнокожими, видимо, они были потомками того, старшего поколения, но лично я очистила бы Хьюстон ото всех, кто не напоминал бы мне Иди.

Томми посмотрел на меня, а затем вытянул руку, чтобы поздороваться с Джоан. Ему было уже три года, а он все еще не промолвил ни единого словечка. Он любил Джоан. Он много что любил: воду, собак, горки. Книгу о летающей обезьяне. То, как я похлопывала его по щечкам, а затем целовала их — сначала левую, а потом правую. В конце концов, то, как я по вечерам укладывала его спать. И все же иногда я — надеюсь, что только я, — замечала какую-то пустоту в его взгляде, рассеянность.

Джоан пересекла комнату тремя большими шагами и забрала Томми у Марии.

— Ну зачем же ходить самому, когда тебя носят? — напевала она, поправляя ему воротник и приглаживая его красивые каштановые волосы назад.

Я любовалась ими и была счастлива. Джоан и сама выглядела более счастливой. Легко быть счастливой с Джоан. Мой муж, Рэй, как и всегда, был в своем офисе в центре. Но он скоро вернется, а чуть позже, после того как мы с Джоан переоденемся, а Рэй наденет что-то поудобнее, мы

поедем в город. Сегодня мы будем ужинать и пить коктейли в Ирландском клубе. Будут танцы, шутки и всеобщее веселье под действием шампанского. Куда бы Джоан ни шла, напитки были за счет заведения, а люди отчаянно хотели с ней пообщаться, узнать ее, поймать ее взгляд.

Но из всех в мире мест, где ей были бы рады, она была здесь, со мной. В моей гостиной держала на руках моего маленького мальчика и пыталась научить его танцевать. Через секунду она попросит меня включить музыку.

С Джоан всегда было будущее. Всегда можно было чего-то ожидать. Томми взглянул на меня, я улыбнулась; казалось, если он и не танцевал, то определенно пытался танцевать. Он будто понимал, чего Джоан от него хочет.

Тем летом Джоан была будто в замешательстве. Все девочки, с которыми мы тогда дружили, вышли замуж, обзавелись детьми, остепенились. Я в том числе. Еще со школы у Джоан была репутация оторвы, хотя это и не имело большого значения в Хьюстоне, если ты молод. Также помогало наличие денег и, конечно, красота. У Джоан было и то, и другое. Любой другой город не простил бы ей голливудской выходки — кто знает, с какими мужчинами она там развлекалась и, вообще, чем занималась. Но Хьюстон был великодушным во всем.

При этом ей уже было больше восемнадцати. А в последний месяц учебы я слышала, как в уборной Общества единомышленников Дарлин Купер сказала Кенне Филдс, что Джоан Фортиер уже не пристало носить волосы в высоком светлом хвостике, как маленькой девочке. Пялясь на обои в черно-белую полоску, я затаилась в своей кабинке. Лучшая подруга вышла бы и высказала бы все Дарлин Купер, чей муж, все это знали, носил мокасины, такие же дешевые, как ее болтовня и еще более дешевое платье. Дарлин стала нашей подругой только в старшей школе. Наверное, ей виднее.

Но тогда я стала слышать все больше сплетен о Джоан. Мужчины были для нее игрушками, от которых она уставала через месяц или два. В старшей школе никому не было дела до того, что у нее никогда не было серьезных отношений, но теперь, когда она становилась все старше, люди начали это замечать. Уже пора великой Джоан Фортиер остепениться — все так думали.

Ну а мне нужно было принять решение. «Оно того не стоит», — сказала я себе, но на самом деле подумала, что, возможно, Дарлин права.

Натанцевавшись с Томми, она пошла домой, чтобы переодеться. Через несколько часов она бежала по моему газону в голубом вельветовом

платье, в ушах красовались фиолетовые сережки размером с грецкий орех.

Услышав звук торможения ее «кадиллака», я выскользнула на улицу и увидела, как Джоан выскакивает из бледно-зеленой машины перед Фредом, шофером, который всегда, сколько помню, возил ее.

— Та-да, — пропела она и, демонстративно проигнорировав аккуратный тротуар, ринулась по траве босиком. Туфли были в ее руках, лицо — без косметики, а волосы — взъерошенными: у нее был такой вид, будто она только что встала с шезлонга у бассейна. Возможно, именно так все и было.

Я сдержала вспышку злости: она опоздала на сорок пять минут.

— Нам уже пора выходить, — крикнула я.

Она улыбнулась, как всегда пожала плечами и поцеловала меня в щеку. Я унюхала кокосовый запах ее масла для загара.

— Ты даже не приняла душ? — спросила я. — Или ванну?

Она снова пожала плечами. Она не могла сфокусировать взгляд, будто провела слишком много времени на солнце.

— В чем проблема? — спросила она и прошла мимо меня, зайдя в дом и бросив туфли — от Феррагамо — на паркет в холле.

Я усадила ее за туалетный столик и, вспомнив комментарий Дарлин о хвостике, завязала ей французский узел. Я слегка напудрила ее лоб, но румяна решила пропустить, потому что ее щеки и так были красными.

— Если ты будешь так долго торчать на солнце, — сказала я, — то превратишься в лобстера.

Джоан проигнорировала мои слова, она вертела в руках бриллиантовый браслет, который Фарлоу подарил ей на двадцатитрехлетие.

Родители Джоан по-прежнему жили в доме, где она выросла, в Эвергрин. Ее отцу было за восемьдесят, он был уже не в своем уме, и Мэри, его верная подруга, стала опекуном мужа.

— Сиди ровно, — пробурчала я, штрихую брови Джоан карандашом.

Джоан принимала макияж, только если наносила его я. Я знала ее лицо лучше своего: родинка на виске была даже милой, а не отталкивающей, острые скулы, еле заметная россыпь веснушек на лбу, появившихся лишь летом.

— Ты слышала о Дэйзи Минтз? — спросила она.

Ну конечно, я слышала. Дэйзи Минтз, ранее Диллингуорт, наделала много шума в Ривер-Оукс три года назад, сбежав, чтобы выйти замуж за еврея

из Нью-Йорка. Короче говоря, родители отказались от нее; несомненно, состояние Минтз окупило ее выходку. На прошлой неделе я слышала от нашей подруги Сиэлы, что Дэйзи подала на развод. Мистер Минтз оказался неверным. Эта история была стара как мир. И даже старше. Помимо воли, мне стало очень скучно.

— Ну а чего она хотела? Она выбрала роскошь, гламур и деньги. И практически незнакомца. Конечно, все развалилось.

Джоан не ответила.

— В любом случае вся эта история неприглядна, — продолжила я. — Он хочет оставить себе ребенка. Чушь, — бурчала я, нанося точку основы под макияж на ее подбородок. — Дети принадлежат матерям.

— Она хочет отобрать у него много денег, — вдруг сказала Джоан. — Тонны.

— И? — У всех нас было много денег. — Это дитя вырастет с родителями, которые ненавидят друг друга. Чего она ожидала?

— Может, она любила его.

— А может, она была непредусмотрительна, — возразила я.

— О, Се, — сказала Джоан, — не будь такой занудой. — Ее голос был спокойным; я не обиделась. Из нас двоих я действительно была занудой. Я не возражала.

— Может, я и зануда, но, по крайней мере, моя жизнь не обернулась крушением.

— Дэйзи Диллингуорт Минтз, — сказала она, — живет на великом острове под названием Манхэттен.

— Ты вся горишь, — сказала я, щупая ее лоб тыльной стороной ладони.

— Правда? Наверное, из-за погоды. Кажется, солнце сегодня светило только для меня.

— Может, так и было, — сказала я, и Джоан улыбнулась. Между нами царило полнейшее понимание и умиротворение.

Я забыла сказать, что лето — любимое время года Джоан. Она обожала плавать, нырять, делать все, что каким-либо образом связано с водой. В то время как все остальные плавались от жары — хотя мы и привыкли к хьюстонскому климату — Джоан, казалось, была для этого создана.

— Она увидела мир, — заявила Джоан. Я не сразу поняла, о чем речь. — Дэйзи, — нетерпеливо сказала она, — целых три года она жила в свое удовольствие.

— Надеюсь, она успела сделать все, о чем мечтала.

Гостиница «Трилистник» биржевого спекулянта Гленна Мак-Карти была его зеленым детищем. А если быть точным, то там было шестьдесят три оттенка зеленого: зеленый ковер,

зеленые стулья, зеленые скатерти, зеленые шторы... Зеленая униформа. Гостиница находилась недалеко от Техасского медицинского центра, возведенного Монро Данеуэй Андерсоном, который вложил в свой проект девятнадцать миллионов долларов. В Хьюстоне деньги были повсюду, но одни люди распоряжались ими во благо общества, как мистер Андерсон, а другие — строили гламурные бессмысленные постройки, как мистер Мак-Карти. Но если бы все были, как мистер Андерсон, где бы мы тогда развлекались?

Все остальные американцы беспокоились о русских, о коммунистах, о корейцах. Но хьюстонская нефть уносила с собой все заботы. Это было место, где богатый холостяк мог купить гепарда и поселить его у себя на заднем дворе, плавать с ним в бассейне; место, где сумасшедший вдовец ежемесячно посещал странные мероприятия с икрой и водкой, где всем нужно было общаться с русским акцентом; место, где Джим Вест по прозвищу Серебряный Доллар бросал серебряные монетки из своего лимузина, после чего отъезжал, чтобы посмотреть на жадное сумасшествие толпы. Весь инвентарь в ванной был покрыт золотом в двадцать четыре карата. В мире вообще ограниченный запас золота; оно не возобновляется. И большая его часть находилась именно в Хьюстоне, я в этом не сомневаюсь.

Мы отдали ключи от машины парковщику и направились в Ирландский клуб «Трилистника»; Луис, наш ирландский седовласый бармен, вручил мне бокал шампанского, Джоан — джин-мартини и джин-тоник Рэю.

— Спасибо, милый, — сказала Джоан, а Рэй кинул деньги на барную стойку.

Той ночью мы все были там: вышеупомянутая Дарлин, одетая в лавандовое платье с, вынуждена признать, очень красивым вырезом, Кенна, лучшая подруга Дарлин, — очень добрая, но невыносимо скучная девушка — и Грасиэла, которую все называли Сиэла. Сиэла сразу же после своего рождения учинила огромный скандал, будучи результатом интрижки между ее отцом и красивой мексиканкой, которую он встретил во время работы на нефтеперерабатывающем заводе в Тампико. Его бывшая жена получила огромную сумму денег при разводе — самую большую компенсацию в истории Техаса на тот момент. Но это в прошлом и уже давно неважно. С тех пор известны случаи namного больших компенсаций при разводе. Это Техас: здесь все постоянно растет.

Отец Сиэлы женился на сеньорите и все еще на ней женат, что, скорее всего, переросло бы в еще больший скандал, если бы он не был таким влиятельным. Впрочем, мы все могли похвастаться влиятельными отцами. И мужьями, которые вскоре

станут влиятельными. И мы сами станем такими же вместе с ними.

Дарлин поцеловала Джоан в обе щеки, затем повернулась ко мне:

— Давно не виделись, Сесе, — и громко рассмеялась. Она была очень пьяна. — Ты прямо вылитая Лесли Линнотон, — сказала она, и хотя я ничем не была похожа на Лиз Тейлор, кроме темных волос, мне было приятно. Все мы смотрели «Гиганта» как минимум трижды и каждый раз восторгались тем, что персонаж Джеймса Дина был списан с Гленна Мак-Карти, несмотря на то что все открыто ненавидели Эдну Фербер за то, как она представляла Техас.

Сиэла, чьи волосы тогда были до того белокурыми и завитыми в кудри, что она так же походила на мексиканку, как Мэрилин Монро, держалась за руку своего мужа, мужа Дарлин и Кенны курили в противоположном конце комнаты. Мой муж был рядом со мной; Рэй был сдержанным, ему было комфортно возле меня. Он не был стеснительным, но у него не было потребности быть в центре внимания, что редко встречалось в нашей компании.

Эта ночь, как и все остальные, была полна возможностей для Джоан, а не для нас, замужних женщин. Шампанское было игристым, мужчины — привлекательными и сильными, а музыка

воодушевляла нас. На мне было прекрасное серебристое платье с открытыми плечами и пояском на талии. (Рэй хорошо поднялся на «Шелл», да и мама оставила мне наследство, так что я могла себе позволить шикарно одеваться. Возможно, именно здесь корни моей расточительности. Мама никогда не разрешала мне тратить много денег, она считала, что отец должен был зарабатывать больше. И вот теперь, когда все это состояние было моим, я должна была потратить его полностью, до копейки.) На моем запястье красовался подарок на мое четырнадцатилетие: изящные бриллиантовые часы, которые я надевала, если у меня было хорошее настроение. Чуть позже мы, возможно, выйдем к бассейну «Трилистника» (на тот момент самому большому бассейну в мире), который построили, чтобы устраивать представления на водных лыжах. Джоан любила нырять с вышки, она говорила, что это похоже на свободный полет. Или пойдем в Изумрудную комнату, ночной клуб «Трилистника».

Я болтала с Сизлой — у нее была дочь Тина, как раз ровесница Томми, — о том, стоит ли осенью отправлять детей в детский сад (я не хотела этого делать — не могла себе представить, что смогу оставить Томми на растерзание волкам). Мы наблюдали за Джоан, которая в десяти футах от нас собрала вокруг себя толпу и, смеясь и улыбаясь,

развлекала ее, будто это давалось ей невероятно легко. В принципе, так и было. Рэй стоял рядом со мной и тоже смотрел на нее. Мне стало интересно, что на самом деле он думал о Джоан Фортиер под маской своего неизменного спокойствия.

— Как думаешь, о чем она говорит? — спросила Сизла, увидев, что я наблюдаю за Джоан.

От нее пахло смесью парфюма «Chanel № 5», который мужа каждый год дарили нам на День святого Валентина, и лаком для волос. Наверняка я пахла точно так же, только с примесью пены для ванны Томми. Муж Сизлы, Джей-Джей, высокий компанейский мужчина из Лаббока, который казался мне слегка нахальным, стоял у бара и заказывал себе выпивку.

Как по мне, Джоан в тот вечер вела себя слишком вызывающе. Перевозбужденная, она была очень близка к потере контроля над собой.

— Как знать, — сказала я и отпила еще немного шампанского.

Джей-Джей подошел с Сизле сзади и поцеловал ее в щеку. Она удивилась, будто он появился из ниоткуда. Я улыбнулась, позволила поцеловать себе руку; затем рука Рэя, лежащая на моей талии, сжалась. Рэй никогда не поцеловал бы руку какой-то женщине. Это одна из положительных черт его характера: его никогда не интересовала глупая показуха.

— Не желаете потанцевать? — спросил он.

Я улыбнулась и позволила ему отвести меня на сверкающий паркет. В мгновение ока мое настроение поднялось. Квартет играл какую-то медленную мелодию; я не знала эту песню, но это не имело значения. Допив шампанское, я отдала пустой бокал темнокожему официанту в белых перчатках.

Рэй очень любил танцевать. Только из-за этого он и терпел подобные ночи. Если бы не танцы, то мы проводили бы вечера дома за скотчем и чтением одной из президентских биографий, которые ему так нравились. Но на танцполе он становился совершенно другим человеком. Я чувствовала себя маленькой в его руках, хотя ростом была почти как Джоан, а она была ростом в сто семьдесят два сантиметра; но рост Рэя был сто девяносто, кроме того, он был широкоплечим. Я идеально подходила для его объятий. Я была привлекательной, но не красивой, и честно себе в этом признавалась. Я была достаточно худенькая, но беременность округлила мои формы, сделала лицо полнее. Мои волосы — это вечная схватка, они постоянно завивались от техасской влажности, но после термобигуди и еженедельных посещений салона красоты они элегантно подчеркивали мое лицо. Темно-карие миндалевидные глаза были моей гордостью; Сиэла однажды призналась, что все

девочки завидуют моим глазам, и хотя она тогда была пьяна и, скорее всего, ничего не помнит, я-то помню все.

— Очень весело, — сказала я, и Рэй прижал меня к себе.

В Ирландском клубе становилось все больше и больше людей, знакомых и незнакомых нам. Изюминкой этого места было то, что сюда пускали только самых ярких и богатых, так что никогда не знаешь, кого здесь встретишь.

Ансамбль заиграл что-то быстрое, и Рэй раскружил меня на длину своей руки, а за секунду до того, как он вернул меня обратно, периферийным зрением я увидела Джоан с незнакомым мне мужчиной. Я оперлась подбородком на крепкое плечо мужа и стала за ними наблюдать. Джоан стояла спиной к остальным, будто пряча своего собеседника.

Все мы мечтали об истинной любви и о муже, а если не о любви, то, по крайней мере, о муже, но Джоан всегда предпочитала бросаться от одного мужчины к другому. Газеты просто обожали Джоан: она регулярно оказывалась в колонках со сплетнями городской прессы — обычно на фотографии с мужчиной. Но все те мужчины не были чем-то серьезным, и уж тем более они не были незнакомцами.

— Прекрати наблюдать за Джоан, — прошептал Рэй мне на ухо, и я переключила внимание на него. Джоан, если честно, не лучшим образом влияла на наш брак, но мы это не особо обсуждали.

— Весь вечер я буду смотреть исключительно на тебя, — пообещала я.

— Вот ты и заговорила, — сказал Рэй и снова закружил меня.

В ночь после нашей помолвки Рэй пообещал, что никогда меня не бросит. Он попросил, чтобы я пообещала ему то же самое, что я посчитала полным абсурдом. Мужчины бросали женщин; женщины никогда не бросали мужчин, только если они не совсем глупые, а я отнюдь не глупа.

Он снова кружил меня и слегка кривил рот в улыбке, как бывало, когда он выпьет, и снова ловил своей большой, крепкой теплой рукой. Он наблюдал за моим лицом. Рэй часто удивлял меня своими наблюдениями. Он был настолько внимателен, что я никак не могла к этому привыкнуть. Он мог зайти в комнату и прочитать мои мысли за одну секунду. За полсекунды.

— Се, — сказал он теперь, — я потерял тебя?

— Я здесь, — сказала я и прижалась к нему так, что теперь могла наблюдать за подругой, чтобы Рэй не заметил. Что-то с ней сегодня не так; я заметила это еще днем. У меня появилась

возможность рассмотреть мужчину получше. Он был высокий и мясистый. Не привлекательный. Но Джоан это не интересовало. «Я как Иисус, — сказала она однажды, когда я спросила ее, как ей удается встречаться с мужчинами, настолько ей неподходящими. — Я всех люблю».

На нашем пути появилась танцующая пара и загородила Джоан с незнакомцем. Рэй поцеловал меня в щеку, я закрыла глаза и на секунду или две растворилась в музыке, в людях, в Рэе.

Открыв глаза, я почувствовала головокружение, но прекрасно видела, как высокий мужчина покидает помещение через дверь возле сцены, которая вела прямо к лестничной клетке; а лестница поднималась к гостиничным номерам.

Я начала искать Джоан взглядом и заметила ее возле барной стойки. Она курила сигарету и смеялась. Я вздохнула с облегчением: ошиблась.

Затем Джоан погасила сигарету о пепельницу, бросила зажигалку в атласный клатч и последовала за незнакомцем. Я не ошиблась.

Жизнь в который раз доказала мне, что по отношению к Джоан я была бессильна. Она взрослая женщина, взрослая женщина, которая всегда поступает по-своему. Никто никогда не мог ей отказать: ни родители, ни учителя. И уж точно ни мужчины. Джоан Фортиер всегда получала свое. А я — всего-навсего ее подруга.

Глава 2

Мне было пятнадцать, когда умерла моя мама. Был декабрь, канун Рождества. Через неделю после похорон мы с Джоан все еще жили в мамином доме, прогуливали школу и спали до обеда, засыпая с рассветом. Джоан тогда пообещала мне, что я перееду в семью Фортиер в Эвергрин. Я хотела переехать, очень хотела, но мне не верилось, что это случится. Джоан любила меня, а я любила Джоан, но Мэри и Фарлоу — не мои родители.

Фарлоу приехал в Техас из Луизианы еще в молодости, заработал состояние и остался. Это нормально для Техаса: ты приезжаешь на пару дней, а потом однажды оглядываешься и понимаешь, что так и не покинул это место. Он построил Эвергрин в качестве свадебного подарка для Мэри. Это элегантная усадьба с огромными колоннами по бокам от главного входа, с креслами-качалками и окнами с черными шторами. Он назвал усадьбу Эвергрин в честь его любимых магнолий, украшавших подъездную аллею.

Фарлоу и Мэри хотели, чтобы я жила с ними, потому что я заботилась о Джоан. У меня был доступ в места, куда они попасть не могли. Но тогда я этого не понимала. Тогда я просто преданно ходила за ней на вечеринки, следила, чтобы она

вовремя возвращалась домой, вырезала наряды из журнала «Harper's Bazaar» и отдавала их Мэри, а она, в свою очередь, покупала их Джоан.

Я спала в доме, который знала с рождения, Джоан спала рядом и тихонько похрапывала (никто не мог подумать, что такая девочка, как Джоан, может храпеть, но это так), как вдруг зазвонили в дверь. Сперва я подумала, что это мама. Я села в постели, сориентировалась в пространстве, у меня во рту пересохло от сладкого белого вина, которое мы пили накануне вечером. У меня в голове крутилась строчка из песни Фрэнка Синатры, которую мы слушали всю осень: «That's when I'll be there always, not for just an hour, not for just a day»¹.

Конечно же, это не мама. Мама умерла.

— Сесе? — Джоан села возле меня. У нее охрип голос.

Она положила свою теплую щеку на мое плечо, и на секунду мы успокоились. В дверь снова зазвонили, но я не шелохнулась. Я не хотела видеть никого в этом мире. Я просто хотела сидеть с Джоан и забыть обо всех заботах. Звонил мамин адвокат, чтобы договориться о встрече. В доме остались некоторые ее вещи — всяческая мелочь:

---

¹ «Потом я буду с тобой всегда, а не час, не день» (англ. .)
(Здесь и далее примеч. ред. .)

фарфоровые шкатулки, антикварные бутылочки из-под парфюма, бесконечная куча одежды, — и все это нужно было разобрать. Мой отец, который постоянно жил в гостиничном номере в Уорике, также мог быть и в Швейцарии. Я знала, что он там со своей любовницей. С женщиной по имени Мелани, на которой он женится и заберет в Оклахому сразу же после того, как высохнут чернила на свидетельстве о смерти мамы. Я не обвиняла его, но и видеть тоже не хотела.

Джоан попыталась встать в третий раз.

— Позволь мне, — сказала она и подняла свой плед с пола.

Вскоре она вернулась с Мэри, которая внимательно осмотрела комнату, затем подняла с комода пустую бутылку из-под вина, и лицо ее скривилось в гримасе. Джоан, стоящая вне поля зрения Мэри, скопировала ее, и я предательски засмеялась.

На тот момент Мэри была секретарем Юношеской лиги; как говорила моя мама, в следующем году она станет президентом. Моя мама не понимала Мэри Фортиер: Мэри не была красивой, не владела большими деньгами, но была влиятельной. Такая женщина, как Мэри, не соответствовала маминым взглядам на мир. Мэри всегда была полна неопределенности, сомнений.

— Пора идти, — сказала Мэри.

Конечно же, я не называла ее Мэри. Спустя несколько недель моего проживания в их доме она попросила называть ее по имени и сказала, что нам незачем церемониться. Но я не была в восторге от этой идеи, поэтому просто избегала того, чтобы произносить ее имя.

Я, как ребенок, сидела на кровати и смотрела, как они собирают мои вещи, кивая или мотая головой каждый раз, когда Джоан показывала мне какую-нибудь сумочку, блузу или пару балеток.

— Конечно, позже мы вернемся, — сказала Мэри, — и заберем остальные вещи, но на первое время хватит и этого.

Я же знала, что больше сюда никогда не вернусь. Незнакомцы упакуют остатки моих вещей и принесут их мне; а все остальное, кроме семейной Библии и украшений моей мамы, продадут на распродаже.

— Сегодня у Фреда выходной, — сказала Мэри, открыв водительскую дверь машины. Она всегда так говорила, когда садилась за руль. Возможно, это не всегда было правдой.

Мэри любила водить, несмотря на то что женщины ее статуса предпочитали, чтобы их возили.

Я села на заднее сиденье, а Джоан, вместо того чтобы занять место рядом с мамой, села возле

меня. Я закрыла глаза и не открывала их, пока не почувствовала, как Джоан коснулась моей коленки.

Мы поворачивали на подъездную дорогу Эвергрин из красного гравия; я ощущала хруст гравия под шинами.

— У тебя начинается новая жизнь, — сказала Джоан.

— Да, — ответила я. — Спасибо.

Джоан засмеялась, но во время разговора голос ее звучал серьезно.

— Нет нужды благодарить меня, Се.

Через неделю Джоан уговорила меня выйти прогуляться. Я несколько месяцев не общалась ни с кем из моих ровесников, кроме нее. Дарлин, Кенна и Сиэла были на похоронах мамы, но я почти не разговаривала с ними.

— Это пойдет тебе на пользу, — сказала Джоан, нанося легкий слой помады на губы — если нанести больше, то заметит Мэри.

Джоан, как будущую выпускницу Ламарской школы, пригласили в Общество короля и королевы. Естественно, она также была черлидером. Она была самой младшей в команде. В столовой она обедала за центральным столом в окружении футбольной команды. Ее приглашали на каждую тусовку, на каждый танец. Без Джоан я была бы никем, девочкой на обочине популярной группы людей в силу того, что у ее семьи есть деньги, и того, что

она живет в Ривер-Оукс: девочка с незапоминающимся лицом, с незапоминающимся именем. Но от этой участи меня спасало то, что я была лучшей подругой Джоан. Я обедала с ней, ходила с ней на тусовки, в общем, от этой дружбы у меня было много преимуществ. Может быть, я завидовала ей, но правда — мне не хотелось быть в центре внимания, мне это не было нужно. Мне нужна была Джоан, и она у меня была.

Половое созревание заставляло некоторых девочек врасплох. В четырнадцать лет, в девятом классе, груди Джоан уже были размером с дыни. Однажды после школы я услышала, как один мальчик так сказал. Она уже была самая красивая, самая богатая, самая привлекательная — одним словом, самая-самая. У нее и сейчас была фигура, как у Кэрол Лэндис. Уже тогда мы с девочками прекрасно понимали, что нам такая фигура не светит.

Джоан быстро выросла. Другие девочки, которые рано развивались, постоянно сутулились, носили книжки перед собой, закрывая ими грудь, а что делала Джоан? В первый день в старшей школе она пришла в бюстгальтере с заостренными чашечками, как у кинозвезд. Джоан прятала его в сумке и надевала в туалете.

Ну так вот, в тот вечер она надела знакомое мне нежно-голубое платье с расклешенной юбкой.

Но я никогда не видела этого ее колье. На нем была подвеска с крошечной золотой звездочкой, в центре которой красовался бриллиантик. Мой взгляд завис где-то между ее ключицами.

На крыльце дома, где нас высадил Фред, я прикоснулась к колье.

— Что это? — спросила я.

— О, — сказала она, — папа мне подарил.

— А по какому поводу?

Она пожала плечами, и я поняла, что смутила ее. Ее папа дарит подарки дочери без повода — просто за то, что она Джоан, — в то время как моего отца, в сущности, и не существовало.

Джоан позвонила в звонок. Никто не открыл, и в конце концов она сделала это сама, растолкав кучку школьников. Почти сразу же к Джоан подошел Фиц, мальчик, с которым она тогда встречалась, и они вместе пошли наверх. Я стояла возле чаши с пуншем, пока, к счастью, не заметила Сиэлу. Мы стояли и болтали о пустяках, пытаюсь не показывать, что тайно ловим на себе чужие взгляды.

— Джоан уже долго нет, — сказала Сиэла.

На ней было клетчатое платье с короткими рукавами и воротником. Если бы оно не было облегающим, то смотрелось бы точь-в-точь как наша школьная форма. Сиэла одевалась, как соблазнительница, но при этом никогда не

позволила бы своему парню из колледжа трогать себя под лифчиком. Я почувствовала вспышку зависти — в тот вечер она выглядела как Лана Тёрнер.

Я напилась гренадина и виски; этот дом в Тэнглвуде был каким-то необжитым и совершенно новым. Можно было буквально почувствовать, как светло-голубой коврик превращается в коричневый под нашими ногами.

— Они с Фицом общаются, — сказала я.

Сиэла пристально посмотрела на меня.

— Ты действительно не понимаешь, чем они там занимаются?

— Они занимаются тем, чем хотят, — сказала я. — Джоан всегда делает то, что хочет. — Защищать Джоан было моей привычкой.

Сделав глоток пунша, Сиэла кивнула.

— Да уж, — наконец вымолвила она, улыбнувшись. — Это точно.

Сразу же после этих слов на лестнице появился Фиц и позвал меня жестом; я оставила Сиэлу, будто мы и не разговаривали.

— Джоан немного расстроена, — сказал он, когда я подошла. Я ухватилась за перила, чтобы не упасть — я была еще пьянее, чем думала, — и заметила, как Фиц рукой прочесывает копну густых черных волос и облизывает свои пересохшие губы.

Он был настолько близко, что я видела отмершие частички кожи на губах.

— Где она? — спросила я.

Он кивнул в сторону закрытой двери возле лестницы, оказалось, что это ванная.

Джоан сидела на краю ванны. На полке над раковиной горела свеча, распространяя отвратительный приторный запах. В ее тусклом свете ничего невозможно было рассмотреть, но я знала, что это Джоан сидит в тишине. С тех пор как умерла мама, меня начала пугать темнота.

Я включила свет, и Джоан отвернулась от меня — необычный, в каком-то смысле ужасный жест. Я сразу же заметила, что у нее пропало кольцо.

— Что случилось?

Она пожала плечами. Это выглядело наигранно и небрежно, но в то же время элегантно. Она тоже была пьяна.

— Ничего, — сказала она.

Я сидела на крышке унитаза так близко к Джоан, что наши голые лодыжки соприкасались.

— Ты потеряла кольцо. — Я показала пальцем на пустое место между ее ключицами, где раньше был кулон, и она вскочила. Когда она посмотрела на меня, то не смогла сфокусировать взгляд.

— Где ты была до этого?

Джоан не сразу ответила, будто не слышала, что я говорю.

— В комнате в конце коридора, — наконец сказала она. — Она выглядит как комната чьего-то младшего брата.

Это и впрямь была комната чьего-то младшего брата, декорированная под Дикий Запад с подушками в форме лошадей на двухъярусной кровати. Верхняя койка была не заправлена, хотя в остальной части комнаты был полнейший порядок. Я заметила кольцо Джоан на подушке, застежка была сломана.

Вернувшись в ванную, я наклонилась, взяла ее подбородок указательным и большим пальцем и заставила посмотреть мне в глаза.

— Он обидел тебя? — спросила я.

На секунду мне показалось, что она вот-вот признается мне в чем-то. Но затем она покачала головой. Улыбнулась.

— Фиц? Боже, нет. Я просто уставшая и пьяная. Помоги мне встать. — Она протянула руки, и я взяла их в свои; когда мы уже стояли, я вложила кольцо ей в ладонь. Я больше не видела, чтобы она его носила.

Впервые я поняла, что у Джоан есть секреты. Раньше она рассказывала мне о своей личной жизни: о мальчиках, с которыми целовалась; о том, как в восьмом классе она впервые позволила мальчику прикоснуться к ее бюстгальтеру. Об эрекции Фица под ее рукой. Но с годами она

рассказывала мне все меньше и меньше. Секс стал ее собственным миром.

Той ночью я уснула рядом с Джоан, под знакомый звук ее дыхания. Проснувшись посреди ночи, я села в постели. Я не могла избавиться от мысли, что с Джоан что-то случилось в спальне того мальчика, что-то, что она скрывала от меня.

— Все хорошо, — сонно сказала Джоан с соседней кровати. — Со мной все будет в порядке, Се. Все будет хорошо.

Я выросла в Эвергрине. Поначалу все казалось странным, но через месяц он стал моим домом. Как же быстро молодые все забывают. И хотя я никогда не считала Мэри и Фарлоу своими родителями, я полюбила их. Надеюсь, что и они полюбили меня.

Глава 3

Джоан делала все, что ей хотелось, как и всегда. Когда она была молодая, то это совпадало с желаниями Мэри: Джоан не была бунтаркой. А Мэри не была ханжой. Для нас не было строгих правил. Мы могли ходить на столько свиданий, на сколько хотели, танцевать, сколько хотели, посещать столько тусовок, сколько хотели. Мэри не была помешана на Джоан так, как моя мама была помешана на мне. Мы приходили и уходили из

Эвергрину, когда нам вздумается, нас возил Фред, а финансировал Фарлоу. У него были открыты счета чуть ли не во всех магазинах и ресторанах, так что все, что мы покупали, просто записывалось на эти счета. Транзакции оставались невидимыми для нас.

Но в выпускной год в школе Джоан начала меняться. Она рассказывала мне все меньше. Она все чаще выскальзывала из нашей комнаты, когда я уже спала. Я никогда не забуду ту сонную панику, что охватила меня, когда я проснулась в нашей комнате и увидела ее пустую постель.

И тогда наступил сезон подготовки к балу. Она много лет ждала выпускного бала. Еще с детства. Джоан была так же взволнована, как и все мы прошлым летом, когда начинали подготовку к выпускному.

— Это платье, — сказала она во время одной из примерок, теребя пальцами белый атлас.

— Что с этим платьем? — спросила Сиэла.

— Будто мы выходим замуж. Будто мы собираемся устроить парад для всех хьюстонских холостяков, чтобы они могли выбрать себе невест.

— Хорошая идея, — сказала Сиэла и рассмеялась, но смех был натянутым.

Эта идея одновременно была и хорошей, и бессмысленной. Конечно же, мы себя покажем, но даже если молодые привлекательные холостяки

заметят нас, мы все равно не поженимся еще три или четыре года. Как минимум — два.

Мы, как помешанные, носились с этими белыми платьями, часами сидели у швеи, которая творила чудеса; репетировали реверанс, наш «техасский поклон», снова и снова, мы настолько его отрепетировали, что нам даже снилось, как мы кланяемся президенту.

Джоан тогда встречалась, конечно же, с капитаном футбольной команды, темноволосым мальчиком по имени Джон. Той осенью она проводила все больше времени с ним и все меньше — со мной и остальными девочками. За неделю до этого, в столовой, Сизла сказала, что мы надоели Джоан. Во время обедов она все чаще не появлялась за нашим столом — я думала, что она уходила к Джону, хотя кто знает. Я долго злилась на Сизлу, пока она не сдалась и полуискренне не извинилась, но все же я понимала, что, скорее всего, она была права.

— Результат будет восхитительным, — услышала я голос Мэри, спускаясь на завтрак.

Это был последний месяц перед балом, который пройдет в Ривер-Оукском клубе в декабре. Ужинали мы обычно в обеденном зале, а завтракали за маленьким столом из сосновой древесины в столовой, которую от кухни отделяла лишь узкая створчатая дверь.